

К образу современного героя

У Армена Сантросяна множество театральных лиц. Лукавое и добродушное, расцвеченное яркими красками грима — у дона Леонато в «Много шума из ничего». Изменчивое, закрытое дуэликой черно-белой маской — у шута, персонажа спектакля «Да будет мир!». Уродливое, словно искаженное в кривом зеркале — у градоначальника в «Истории одного города». Печально-ироничное — у Левона, героя инсценировки повести В. Петросяна «Непрожитые годы».

Армен Сантросян меняет маски с искусностью лицедея, не стесненного рамками определенного амплуа. Он легко осваивает шекспировскую комедийную стилистику, гротесковые картины Салтыкова-Шедрина, яркую метафоричность древней армянской легенды и заостренную публицистичность духовных исканий современника.

Он играет все эти роли в Театре юного зрителя. Такой театр, как правило, на долгие годы привязывает актера к одному-единственному амплуа и определенному репертуару. Последние роли Сантросяна разрушают привычное мнение о возможностях актера, играющего в театре для детей. Герои Сантросяна свободны от «тюзовской» прямолинейности и однозначности, излишней романтичности или кричащей комичности. Вероятно, это прежде всего объясняется своеобразием творческой манеры Ерванда Казанчяна, главного режиссера театра, в спектаклях которого Армен Сантросян играет свои лучшие роли. Сантросян один из тех актеров, в сообществе с которым Казанчян создает свой театр. Конечно, к приходу Казанчяна заслуженный артист Армен Сантросян был уже человеком оформившейся творческой судьбы — за его плечами значительное филологическое образование, потом актерский факультет и многолетняя работа в ТЮЗе, но все же именно теперь отчетливо определяется его индивидуальный стиль игры, давнее пристрастие к героям высокой литературы, ставшей основой режиссерской работы Казанчяна.

В «Истории одного города» Армен Сантросян играет градоначальника. Спектакль имеет как бы два лица, одинаково уродливых и страшных: размалеванное лицо толпы, со стадной поностью ждущей своего лидера, «пастуха», и ослиное, гримасничаю-

щее лицо градоначальника, божества толпы, ее надежды и опоры. Градоначальники в спектакле Казанчяна — гротесковый ступок нелепости, уродливости однообразного и пустого существования горожан. Армен Сантросян, представляя в спектакле целую галерею градоначальников, находит для них особую характерность, особую физиономию, пластику.

В «Истории одного города» Армен Сантросян органично вживается в атмосферу гнетущего мрака, изредка озаряемого тусклым застывшим светом, в унылую сценическую обстановку, в едва пульсирующий ритм происходящих событий. Кажется, что гротеск, карикатура — это и есть та театральная маска, которая актеру ближе и естественнее. Но рядом с этим спектаклем в творчестве Сантросяна стоит другой — «Много шума из ничего», праздничное, солнечное, веселое, легкое представление.

Действие шекспировской комедии режиссер Казанчян превратил в праздник жизни, где каждый герой — его полновластный хозяин, распорядитель и участник. Мир, окружающий дону Леонато, героя Сантросяна, распахнут восходящему солнцу и свету, и душа Леонато находится в полной гармонии с этим внешним миром. Дон Леонато Сантросяна — человек летнего дня, его чувства подобны ярким и насыщенные краскам солнечного полудня, поэтому они изливаются без подробных нюансов, без тонкой психологической игры света и тени. Сантросян играет человека, который без остатка отдается и радости, и горю, и печали, и насла-

ждению — он наделен счастливой причастностью к полнокровности бытия.

Но прежде всего дон Леонато Сантросяна — фигура комическая, карнавальная. В нем живут черты традиционных масок итальянского театра, актер мягко и тонко акцентирует отчаяние обманутого отца или наивность простодушного старичка. Сантросян не скрывает лица своего героя за определенной маской, он играет, что называется, «на полном серьезе», без остатка растворяясь в искренности и непосредственности героя.

В спектакле «Много шума из ничего» Армен Сантросян, помимо дона Леонато, играет еще одну маленькую роль, нигде не обозначенную и мало приметную. В театральном представлении, которое создал Казанчян, весь условно обозначенный окружающий мир — белоснежные дворцы, солнечные сады, нарядные балконы и укромные аллеи — заключен в легкие, изящные декорации, напоминающие декорации театра «Глобус». Так что артист, играющий шекспировского героя, несколькими штрихами представляет и манеру актерской игры шекспировского театра. В исполнении Сантросяна эта своеобразная пародия — веселые трюки, смешные ужимки, подчеркнuto-театральные интонации радости или отчаяния — придает образу героя комедийную окраску. Только иногда, как бы иронизируя и над героем, и над «братом»-актером, лукаво и насмешливо сверкают из-под шляпы глаза Армена Сантросяна, но потом он легко возвращается к своему персонажу, чтобы вновь вступить в пестрое карнавальное шествие героев спектакля.

Роли, сыгранные Арменом Сантросяном в «Истории одного города» и «Много шума из ничего», выявляют тяготение актера к образам, которые возникают в слиянии нескольких сценических типажей — подробно очерченных и мимолетно возникших лиц, характеров, индивидуальностей. Сантросян обладает умением преломить, сфокусировать их в одном персонаже даже тогда, когда они разительно отличаются друг от друга. Не случайно, что в спектакле «Да будет мир!» актер играет шута, героя, в котором в открытом противоборстве сведены черное и белое — доброе и злое человеческой души, светлое и темное человеческой жизни. Этот персонаж в творчестве Армена Сантросяна открыто определяет главную черту его актерской манеры — стремление за театральной маской героя увидеть и показать множество изменчивых ликов и «амплуа» человеческой природы.

Шут, градоначальник, дон Леонато — роли разноплановые, тяготеющие к противоположным театральным стилям. Но все же су-

ществует общее, что объединяет их, — ипсовая стихия, насыщенная метафорами и яркой театральностью. В ряду этих ролей Левон Шагинян, герой спектакля «Непрожитые годы», стоит особняком.

В жизнь журналиста Левона Шагиняна вторгается чужая смерть и чужая трагедия — самоубийство юных Асмик и Сербоба, чью любовь деревня обратила в позор и проклятие. Ему приходится столкнуться с равнодушием, закостеневшим мещанством и жестокостью деревенских предрассудков, трусостью и ограниченностью. Случай, происшедший с чужими людьми, заставляет его самого остановиться, оглянуться на свою судьбу, взвесить прошлое и настоящее. Левон притерпелся к своей жизни, притерпелся, но она и раньше тяготила его, напоминала о себе, как старая ноющая рана. Армен Сантросян в первых сценах прячет постоянное ощущение героем пустоты, заключенной в «непрожитых годах» ушедшей молодости, в одиночестве за горькой, ироничной манерой поведения. Жизнь заставляет его заглянуть в этот провал, который он старался заполнить иступленной ежедневной работой, непрерывным бегством от себя в чужие судьбы и драмы.

К финалу Левон возвращается в свою квартиру, где на стенах висят фотографии в рамках, где на привычном месте стоит старая пишущая машинка, а в кресле под мягким абажуром можно в одиночестве выпить рюмку коньяка — возвращается в свой собственный замкнутый мир. Теперь этот мир оказывается для него тесен, знакомые предметы дают своей неподвижностью и обыденностью. Ему открывается теплота любви, и одиночество начинает отступать, круг, прежней жизни размыкаться. Держа в руках рукопись статьи, он уходит вглубь сцены, туда, где появляется застывший поток падающего сверху света.

Роль Левона Шагиняна была необходимой и закономерной для актера Армена Сантросяна. Образ современного героя, его искания, поражения, обретения и познание самого себя вплотную приблизил актера к проблемам и конфликтам сегодняшнего дня, к мироощущению человека нашего времени. В творческой судьбе Армена Сантросяна эта роль, возможно, стала тем моментом, который подвел определенные итоги актерской биографии и обозначил начало нового этапа его жизни в театре. Движение этой жизни — в ролях, которые он уже сыграл и которые еще сыграет, в стремлении к разгадке прекрасных тайн искусства.

О. ВОЛЧКОВА.

НА СНИМКЕ: Армен Сантросян в роли деда Акима в спектакле «Маленький коммунар».